

Туторский А. В. Биографический метод сбора полевой информации // Полевая этнография – 2008. Материалы международной научной конференции. СПб., 2010. С. 11-21.

А. В. Туторский

БИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД СБОРА ПОЛЕВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Идея сбора этнографической информации методом биографических интервью далеко не нова. Одна из первых полевых экспедиций в истории английской социальной антропологии, организованная Артуром Хэддоном среди островитян Торресова пролива в 1898 - 1899 гг., для сбора информации использовала «генеалогический» и «биографический» методы. Суть последнего заключалась в том, что у туземца в первую очередь выясняли его родственные связи, а затем другие формы отношений с соплеменниками. Среди достоинств метода назывались а) возможность «вести разговор и информантом конкретно, спрашивая о вещах к которым причастны конкретные люди, с именами, определенным положением в системе родства, со своими биографиями» и б) возможность проверить каждое суждение «информанта информацией, полученной от его родственников»¹. В 1920-е годы биографические опросы были вытеснены более эффективным и трудоемким методом включенного наблюдения.

В отечественной науке биографический метод использовался в 1950-е годы историко-бытовыми экспедициями Государственного исторического музея. Материалы этих экспедиций хранятся в фондах Отдела письменных источников ГИМ (ф. 426 — Московские историко-бытовые экспедиции, ф. 433 — Московские областные историко-бытовые экспедиции, ф. 466 — Рязанская историко-бытовая экспедиция и ф. 474 — Ярославская историко-бытовая экспедиция).

Основной задачей экспедиций было написание истории различных заводов Советского Союза на основании устных свидетельств

¹ Никишенков А. А. История британской социальной антропологии. СПб., 2008. С. 146.

рабочих. Впервые эта идея была высказана М. Горьким в 1920-е годы². Опросный лист включал в себя вопросы о происхождении и жизни крестьян до поступления на завод, вопросы о быте, культуре и жизни рабочих на заводе и описание истории революционной борьбы на заводе. Очень важно то, что в данных документах «слышен голос простого человека», а не мнения о нем исследователей. Большая часть данных этих экспедиций так и осталась неопубликованной. Небольшая часть вышла в свет в виде сборников³. В дальнейшем биографический метод в отечественной науке, насколько автору известно, не использовался.

Говоря о целесообразности применения биографического метода в исследованиях, точкой отсчета наших рассуждений можно считать общеизвестную мысль о том, что отечественная этнографическая наука на протяжении почти всего XX века развивалась в рамках эволюционистской концепции. Для нее справедливы следующие исследовательские установки.

Этнография считалась вспомогательной исторической дисциплиной, которая призвана выявлять сохранившиеся в быту современного общества реликты древности. Чем более «древним» считался тот или иной обычай, фольклорный памятник или социальный институт, тем большей была его научная значимость. В связи с этим, наиболее перспективными считались регионы, сохраняющие максимальное количество архаики: Заонежье, Архангельская и Вологодская области, Сибирь, Белорусское и Украинское полесье. Исследований, посвященных центральным областям России, значительно меньше. В качестве примера можно сослаться на количество анкет, собранных в ходе обследования, проведенного «Этнографическим бюро» кн. В. Н. Тенишева по двум регионам: по Вологодской губернии — 278 анкет, по Московской — 3 анкеты⁴.

Установка на ценность древности и архаики, приводила к тому, что исследователь старался увидеть, выявить в полученных от конкретных информантов рассказах «изначальную» модель того или иного

² Горький М. За работу! // Рабочие пишут историю заводов. М., 1933. С. 27.

³ Напр.: Историко-бытовые экспедиции 1951 — 1953. Материалы по истории пролетариата и крестьянства России конца XIX — начала XX века. М., 1955.

⁴ Начинкин Н. Материалы этнографического бюро В. Н. Тенишева в научном архиве Государственного музея этнографии народов СССР // Советская этнография. 1955. № 1. С. 161.

этнографического явления. Например, «наиболее ранней формой помочей» считалась общинная обработка полей отдельных общинников⁵, а «древнейшим пахотным орудием» — украинское рало⁶. При том, что и разные формы помочей и разные формы пахотных орудий наблюдались исследователями одновременно во второй половине XIX в. Однако на основании определенного признака — коллективности работ или простоты технологического устройства — одно из явлений или один из предметов признавался более древним, нежели другие.

При описанном «реконструирующем» походе невозможна классическая схема исследования: конкретные проявления — исследовательское обобщение — модель. Поскольку частные проявления обычаев и традиций исследователя не интересовали, то становилось ненужным обобщение. При сборе информации этнолог в поле собирал народное представление о древнейших формах обычаев, делая респондента своеобразным экспертом. Поэтому, часто вместо действительно более древних форм обычаев собирались возникшие в самой народной среде мифологизированные представления о первоначальных, исконных формах явлений. Эти представления в одних случаях могут быть верными, а в других — не соответствовать действительности.

Так, уже в начале XX века в монографическом описании села Бужарово Воскресенского уезда Московской губернии Е. Радченко писала: «Для уяснения роли сельского хозяйства в жизни бужаровского населения укажем прежде всего то, что семей, не ведущих такового — нет совсем; хозяйства, имеющие сельское хозяйство единственным источником существования составляют 32 %, остальные хотя и имеют внеземледельческий заработок, но основным источником существования считают (разрядка автора — А. Т.) сельское хозяйство. Подчеркиваю “считают”, потому что этим выражается не столько объективное положение вещей, сколько субъективная оценка»⁷. Данные земской статистики по Центральной России подтверждают это мнение⁸.

⁵ Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX века. М.: «Наука», 1986. С. 36.

⁶ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М.: «Наука», 1991. С. 39.

⁷ Радченко Е. С. «Село Бужарово», Воскресенского района, Московского округа. (Монографическое описание деревни). М., 1930. С. 19.

⁸ См. напр.: Сборник статистических сведений по Тверской губернии. Том V. Калезинский уезд. Тверь, 1890. С. 128.

В одной из первых экспедиций, в которых участвовал автор, стало ясно, что идея о преимущественно земледельческом характере крестьянского хозяйства жива до настоящего времени. В деревне Подсвятъе Рязанской области участники экспедиции взяли два интервью, данные которых коренным образом расходились. Первое было записано от мужчины 48 лет, не проживающего в деревне постоянно, но родившегося там. Он рассказывает:

«Информант: Колхоз здешний "Красный путь" назывался. А в 70-х все рухнуло. Здесь ведь поля были везде: помидоры, огурцы, пшеница, лен. Не было ни жуков, ничего. А сейчас американцы 40 лет нас травят, все зараженное»⁹.

Данное высказывание мифологично от начала до конца. Начинается оно с распространенного сюжета, что раньше «все было», и крестьяне, в частности, сеяли пшеницу. Заканчивается мыслью о невидимой руке США, которая присутствует везде, даже в труднодоступной деревне центральной России.

Другая опрошенная, женщина 79 лет, работавшая в колхозе, приводит совершенно иные данные по выращивавшимся сельскохозяйственным культурам:

«Информант: Огурцов сажали, разве 2-3 грядки, и то для конторы только. Помидоров — нет, совсем не сажали. Картошка, рожь была. Пшеницы тут не было, на центральных полях совхоза тока. Просо еще было, я небольшой девчонкой была, нас полоть заставляли»¹⁰.

Перед нами личные воспоминания, человека, который сам непосредственно работал в колхозе. Эти данные намного меньше походят на классическую модель крестьянского хозяйства, и намного точнее отражают реальное положение дел первой половины XX века.

Итак, поставив опрашиваемого в положение эксперта, мы можем получить данные совершенно не соответствующие реальности. Для проверки этих данных требуется более длительное пребывание в населенном пункте. Однако в большинстве случаев

⁹ Мещерская этнографическая экспедиция кафедры этнологии МГУ имени М. В. Ломоносова, июль 2002 года [далее: МещЭЭ-2002]. Беликов В., 1954 г.р. Дер. Подсвятъе, Спас-Клепиковского района, Рязанской области.

¹⁰ МещЭЭ-2002. Силенова З. А., 1933 г.р. Дер. Подсвятъе, Спас-Клепиковского района, Рязанской области.

методика интервью сочетается с маршрутной формой экспедиции, а в этом случае длительное пребывание в одном поселении не всегда возможно.

Для того, чтобы избежать подобных ошибок в нашей работе, было решено использовать биографический метод опроса. Преимущества биографического метода можно показать на следующих примерах.

Очень часто рассказчик сообщал об определенном событии из своей жизни и параллельно приводил оценку этого события с точки зрения идеального представления об обычае. Так, например, В. Н. Ципишев, староста села Коныгино Никольского района Вологодской области, вспоминает о своем избрании на эту должность:

«Этнограф: А староста — это назначаемая должность, или это деревня решила так, сход деревенский?»

Информант: Нет. Было еще решение райисполкома, тогда еще райисполком был. Всех старост собирали туда. С сельсовета приезжали, собрание собрали и спрашивают народ: "Кого выберем старостой?" Мне-то не хотелось, понимаешь, постарше меня был Иван Емельянович, да Сашка Рыжков тоже постарше меня был, оба покойники теперь. Женщины настояли, меня и все! Говорят: "Кроме него с нами никто не справится". Покойница Анка Кузина выступила: "Где же Сашу Рыжкова выберем, если со своей женой не может справиться, чего он с нами сделает?"»¹¹

В рассказе перед нами предстает идеальный принцип выбора старосты: им должен стать самый старший человек в деревне. Однако в сложившейся в Коныгино в 1980-х годах ситуации это было невозможно. Информант испытывает неудобство, из-за того, что его выбрали в нарушение этого принципа. Вместе с тем, в рассказе сообщается и другой принцип, на основании которого человек может быть избран старостой — умение совладать с деревенскими женщинами. Именно на этом основании был отвергнут один из «более законных конкурентов» Василия Николаевича. Итак, перед нами свободный рассказ информанта, который без дополнительных уточняющих вопросов рассказывает сразу о реальной ситуации и ее отношении к «идеальной» форме избрания.

¹¹ Северорусская этнографическая экспедиция кафедры этнологии МГУ имени М. В. Ломоносова, август 2008 года [далее СЭЭ-2008]. Ципишев В. Н., 1938 г.р. Д. Коныгино, Никольский район, Вологодской области.

Другой респондент из села Бибирево Западнодвинского района Тверской области рассказывает об обычае приносить в дар лешему, если человек направляется в лес по ягоды или грибы:

«Этнограф: А как можно лесового не рассердить?

Информант: Как? Например, вот я иду по грибы, я что-нибудь да беру, ну хлебца кусочек. А тут раза два вышла — забываю взять. Дом замкну — ой, я ж ничего не взяла. Так я цвятка сорву, у меня цваты хорошо летом цвятут. Цвятка оторву, все равно несу. Захожу у лес, перекряшусь: хозяин лесовой со своей хозяйкой, примите меня, не обижайте, помогите мне грибка найти»¹².

В данном отрывке тоже сообщается идеальная форма дара лешему — кусочке хлеба. Кроме того, приводятся примеры, каким образом, можно выйти из ситуации, когда хлеб забыт.

Народная культура, отраженная в конкретных биографических описаниях, предстает не как статическая «изначальная» или «идеальная форма», которая постепенно разрушается и исчезает, а как динамичная реальность, которая подвержена изменению в каждом конкретном случае, каждом поведенческом акте. Изменения происходят не спонтанно и не ведут к разрушению народной культуры. Наоборот каждое нововведение придает народной культуре жизненные силы, соответствует внутренней логике культуры. Конечно, речь в данном случае идет о тех изменениях, которые не затрагивают основополагающих принципов народной культуры (например, полное изменение хозяйственно-культурного типа или переход от устной традиции к письменности).

Другое преимущество биографического метода связано с тем, что этот метод в качестве точки отсчета использует отдельного человека, а не социальный институт. Особенно важно «не привязываться» к определенному социальному институту в эпоху интенсивных трансформаций. Например, в 1930-е годы, когда традиционное деревенское (общинное) самоуправление и хозяйствование заменялось новыми колхозными формами. Одной из наиболее ярких форм проявления общинной жизни был деревенский сход. После образования

¹² Этнографическая экспедиция кафедры этнологии МГУ имени М. В. Ломоносова в Центрально-нечерноземный район, сентябрь-октябрь 2008 года [далее ЦЭЭ-2008]. Екатерина Михайловна, 1925 г.р., с. Бибирево, Западнодвинский р-н, Тверская обл.

колхозов понятие «сход» в официальных документах исчезает. При прямых вопросах: «Были ли сходки в колхозное время?», большая часть опрошиваемых отвечала отрицательно. Однако реальные практики ведения собраний и поведения людей на собраниях не исчезают столь быстро.

Так, колхозники ходили на собрания исправно и не прогуливали их. Для оповещения жителей деревни о собрании использовался традиционный способ: посылали мальчиков стучать в окна. «Председатель назначал время проведения, а мальчишки бегали по домам и сообщали, когда это будет. Люди сами друг другу сообщали. Проводились собрания в клубе. Люди всегда шли сами, заставлять никого не надо было», — рассказывает В. С. Рудаков¹³. Аналогичное отношение к колхозным собраниям отмечает и Е. М. Бушманева из д. Марково Никольского района Вологодской области: «Ходили раньше на собрания, да, всё вечером бросишь, пойдешь... Тёмно, пойдешь уж на собрание»¹⁴.

Двойственную природу колхозного собрания отмечает Л. М. Грязнова из д. Вожгора Лешуконского района. С одной стороны, для решения важных вопросов всегда собирали сход: «Если важный вопрос, то шли всегда в один дом, на сход». Однако при непосредственном принятии решений «решающее слово [было] за председателем и членами правления»¹⁵. Схожую картину описывает и жительница д. Коныгино Никольского района Вологодской области: «<...> приезжает начальство, не знаю, кто уж. Приедут, вызовут десятского, что — иди, собери народ на сход, на сходку. Сходка звалася. Ну, десятской идёт и стукáет: “На сходку, на сходку”. Не на собрание, а на сходку. А люди уж знают, где дом такой, что ходят собираются. А потом, когда колхозы стали, дак уж стали собранья. Тоже также всех звали»¹⁶.

¹³ СЭЭ-2006. Рудаков, 1933 г. р. Д. Ваймуша, Пинежского района, Архангельской области.

¹⁴ СЭЭ-2008. Бушманева, 1926 г. р. Г. Никольск, Никольского района, Вологодской области.

¹⁵ СЭЭ-2007. Грязнова, 1925 г. р. Д. Вожгора, Лешуконского района, Архангельской области.

¹⁶ СЭЭ-2008. Анна Ивановна, б. г. Д. Коныгино, Никольского района, Архангельской области.

Несмотря на то, что обсуждение колхозниками насущных вопросов носил название собрания, нормы проведения, характерные для собраний там не действовали. Однако на них продолжала жить этика поведения на деревенской сходке. Как правило, кричали прямо из зала, прерывая и перебивая выступающих. Решения принимали не голосованием с подсчетом голосов, а «всеобщим одобрением»¹⁷. Кроме того, очень часто колхозное собрание — сход решало вопросы, которые формально находились вне компетенции колхоза. Например, строительство дороги к колхозу или постройка школы для ребят¹⁸.

А вот пример из интервью, записанного в городе Гороховце Владимирской области. В нем Н. И. Перетокин на прямой вопрос о сходах дает отрицательный ответ, а потом в ходе рассказа о жизни подтверждает наличие в небольших городах уличных собраний.

«Этнограф: А были сходы, когда собиралась улица, чтобы решить какие-нибудь проблемы?»

Информант: Пока я тут находился, не было таких сходов. Сходы были в деревнях, вот. А тут чего решать-то?

Этнограф: Ну, например, как колодец общий завести.

Информант: Это не нужно»¹⁹.

Далее, при описании участка перед домом он внезапно упоминает личного старосту и уличком и рассказывает о них:

«Информант: У нас много места вот вдоль дома, вот на улице. Наоборот, говорят, косите. Вот здесь кошу щас, вот, а куда девать траву, неизвестно, но для чистоты сейчас. Староста или уличком скажут: «Вы чего тут запустили? Косите!»

Этнограф: А кто это говорил?

Информант: Уличком, да. И сейчас так говорят.

Этнограф: А уличком кто выбирает?

Информант: Ну, специальное собрание.

¹⁷ СЭЭ-2006. Рудаков, 1933 г. р. Д. Ваймуша, Пинежского района, Архангельской области.

¹⁸ Формально-юридически колхозы должны были заниматься только вопросами сельского хозяйства. Однако по старой общинной традиции на собраниях решались и те вопросы, которые формально не относились к их сфере компетенции.

¹⁹ ЦЭЭ-2008. Перетокин Н. И., 1924 г. р., г. Гороховец, Гороховецкого района, Владимирской области.

Этнограф: Уличное?

Информант: Да. Улица вот у нас — уличком это».

Далее в интервью Николай Иванович рассказывает о принципе голосования: «Поднимаешь руку там — все "за". Оформляют протокол, так, небольшой. Вот так, и всё, по-простому это». Таким образом, ответив первоначально отрицательно на вопрос об уличных собраниях, в процессе свободного рассказа респондент сам возвращается к этой теме и приводит даже ряд уточняющих подробностей. В частности уже названную особенность сходов решать вопросы не подсчетом голосов, а всеобщим согласием, в данном случае «все "за"».

Еще один пример демонстрирует положительные стороны биографического метода применительно к институтам, существующим в современной деревне. Так, М. И. Сорокин из Вологодской области на прямой вопрос об органах власти и деревенском старосте ответил следующее:

«Этнограф: А у вас нет официальных органов власти? Старосты нет?

Информант: Дак, староста деревенская есть допустим. Дак, чё к ей? Чё с ней можно? Не знаю для чего этих старост выбирают. Вообще не пойму. В принципе, ее не выбирали. Вот, Тонька будет старостой и всё. Ну, как... Один кто-нибудь скажет, кто будет старостой. Он мешает что ли? Не мешает...»²⁰

В дальнейшем в процессе рассказа он упоминает неформальный сбор у колонки, на котором решаются основные вопросы деревенской жизни:

«Информант: Каждый день. Каждый день почти у колонки встречаемся. Там, покурили пошли. О жизни поговорили. Деревенские те вопросы обсудили.

Этнограф: А какие вопросы?

Информант: Ну, допустим... Какой-то огород где-то упал... Эта же колонка...

Этнограф: А если огород упал, что делают?

Информант: Ну, что? Четыре мужика сходились, заколотили забор и все. В каждой деревне на сельсовете так делают»²¹.

²⁰ СЭЭ-2008. Сорокин М. И., б. г. Д. Рамешки, Никольского района, Вологодской области.

²¹ Там же.

Данный пример демонстрирует существование неформализованного института коллективного принятия решений, узнать о котором, не выслушивая рассказов о повседневной жизни или не наблюдая его в реальном времени невозможно.

Подводя итог, рассуждениям о достоинствах биографического метода следует признать, что это не самый лучший способ узнать о разнообразных проявлениях деревенской жизни. Некоторые моменты, например, принцип подбора людей для помощи при покосе, большинство людей назвать затрудняются. Это происходит не потому, что они «не знают» как это делается, а потому что им трудно выразить простые повседневные поведенческие акты в словесной форме, вербализировать их. Для понимания этого принципа необходимо длительное наблюдение за жизнью людей. Желательно даже участие в работах.

Биографический метод занимает, таким образом, срединное положение между непосредственным наблюдением жизни деревенских жителей и классическим опросом. По сравнению с наблюдением биографический метод дает большее количество информации, хотя она менее глубока по проникновению в культуру. По сравнению с обычным опросом проникновение получается более глубоким, однако объем информации собирается меньший. Поскольку в отечественной системе образования не предусмотрены длительные (полгода и более) выезды в поле для непосредственного наблюдения народной культуры, то биографический метод является хорошей возможностью сочетать глубокое проникновение в культуру с кратким пребыванием в том или ином населенном пункте.

В заключение хотелось бы остановиться на двух достоинствах биографического метода при организации студенческих экспедиций. Во-первых, принцип ведения такого интервью легко объяснить студентам: необходимо расспрашивать человека о его жизни, задавая наводящие вопросы об интересующих сюжетах. Причем, наиболее желателен свободный рассказ информанта о своей жизни. Этот аспект биографического метода особенно важен для кафедральных экспедиций, в которых часто в поле попадают студенты, не имеющие опыта ведения интервью. Во-вторых, часто в интервью больше информации об опрашиваемом, чем об опрашиваемом. В англоязычной социальной антропологии уже не вызывает удивление мысль,

что в составлении текста интервью участвует как минимум три человека: информант, интервьюер и составитель опросного листа. Причем иногда голос «спрашивающего» слышится намного отчетливей, чем голос «отвечающего». Например, излишнюю «вовлеченность» в слова опрошенного обычно приписывают М. Мид. В ее работах часто встречаются следующие высказывания: «Наши непрерывные дискуссии, конечно, проливали свет и на нас самих, на наши личности. <...> Мне доставляло наслаждение срывать с себя покровы предписанного культурой поведения и чувствовать, что наконец-то осознаешь себя тем, кто ты есть на самом деле»²². Одним словом, изучая народы Папуа Новой Гвинеи, Мид изучала и видела себя в их отражении.

Возможность влияния вопросов анкеты князя В. Н. Тенишева на будущие материалы показал в специальной статье Д. А. Баранов. Он пишет: «<...> многие вопросы программы буквально "программируют" ответы, направляя их в заранее заданное русло. Программа в некоторых случаях принуждает наблюдать только те частные случаи и детали, которые укладываются в изначально существующие представления об изучаемой культуре»²³.

Использование же биографического метода позволяет сфокусировать внимание именно на личности рассказчика, и тем самым избежать многих ошибок в организации опроса.

²² Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. С. 70.

²³ Баранов Д. А. «Крестьянская» программа В. Н. Тенишева: текст и контекст // Антропологический форум. № 4. 2006. С. 181.